

Игнатий Николаевич Потапенко

Иллюзия и правда

Игнатий Николаевич Потапенко

Иллюзия и правда

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22139264

Иллюзия и правда: 1887

Аннотация

«...Театр полон. Сотня газовых рожков, ярко освещающих зрительный зал, весело подмигивают друг другу, как бы сочувствуя и радуясь успеху антрепренёра. Верхняя публика волнуется, шумит, стучит, требует начала, выражает нетерпение. Солидные люди, с достоинством занимающие места в партере, учащённо посматривают на часы. Взоры всех от времени до времени устремляются в оркестр на дирижёрское место, которое пусто. Скоро ли он придёт? Скоро ли взмахнёт он своей волшебной палочкой, и вслед затем польются божественные аккорды?..»

Игнатий Николаевич Потапенко

Иллюзия и правда (Эскиз)

Театр полон. Сотня газовых рожков, ярко освещающих зрительный зал, весело подмигивают друг другу, как бы сочувствуя и радуясь успеху антрепренёра. Верхняя публика волнуется, шумит, стучит, требует начала, выражает нетерпение. Солидные люди, с достоинством занимающие места в партере, учащённо посматривают на часы. Взоры всех от времени до времени устремляются в оркестр на дирижёрское место, которое пусто. Скоро ли он придёт? Скоро ли взмахнёт он своей волшебной палочкой, и вслед затем польются божественные аккорды?

Всем хорошо знакомо это начало. У каждого в сердце звучат эти глубокие, то стонущие, то замирающие, то торжествующие аккорды, незаметно переходящие в яркую, прозрачную и полную могучей юности мелодию. Это «Фауст», которого все знают наизусть и всё-таки ходят слушать, как спешат все в сотый раз пожать руку старому, вечно милому другу.

На сцене всё готово. И старый, потёртый картон, долженствующий изображать раскрытый пергамент древней книги, и оловянный кубок, со вставленной в него стеклянной пуго-

вицей, блеск которой публика будет принимать за жаркий блеск фамильного бриллианта, доставшегося доктору Фаусту от отдалённого предка, и страшный череп, коему суждено свидетельствовать о неимоверно глубокой учёности доктора, и солнце, которое взойдёт именно тогда, когда это будет надо, – и всё-всё готово.

Готов и Мефистофель. Неимоверно широкими шагами расхаживает он за кулисами, слегка прихрамывая, как истый чёрт, только что вышедший из ада. Его потешное лицо с неимоверно-горбатым носом, с неимоверно косыми и приподнятыми бровями, с чертовски острой бородкой, – дышит в самом деле злобой, только не дьявольской, а настоящей человеческой злобой. Когда он случайно, проходя мимо, заглядывает в уборную, он задыхается, и ноги его начинают дрожать. Там, в уборной, сидит и беседует с антрепренёром его соперник... «О, я хотел бы послушать, как он споёт Мефистофеля! Хотел бы я посмотреть, как он его провалит! – шепчет он с бешенством, со злобой, с завистью, с ненавистью, со всеми вражескими чувствами, соединёнными в одно гигантское желание раздавить, уничтожить, превратить в прах противника. – Подлец! Он готов служить за грош, а я не уступлю ни одного рубля, хотя бы помирал с голоду... Да, это у него большой шанс!.. Но посмотрим, посмотрим! Я им сегодня покажу, что я такое! Я потрясу театр, я развалю стены громом рукоплесканий и криками восторга»... И в этот момент что-то кольнуло у него в сердце. На миг он остано-

вился как вкопанный; он вспомнил... Ах, там, дома!.. Если он не развалит стены театра громом рукоплесканий и криками восторга, если он не устоит на месте 1 баса, – там будет голод, и его бедная жена, его маленькая дочка, – будут страдать... Он чувствовал, что голос у него «опустился», в горле жар и сухость. Если так будет дальше, у него не выйдет ни одной ноты, и он погиб...

Однако, там уже началось, он ничего не замечает, всё шагает, шагает, и с каждым шагом злоба его растёт. О, если бы только могла вместить его грудь, то в неё влилось бы столько злобы, что он, вместе со своим гримом, вместе с этим огненно-красным плащом, превратился бы в настоящего дьявола.

«О, смерть, о, смерть, когда же ты
Мне дашь успокоенье?
Коль ты бежишь, коль ты бежишь,
Так я пойду к тебе-э-э навстречу»...

Фауст отлично взял эту высокую ноту: «к тебе-э-э» и разбудил его от мучительного забытья. «Однако, сейчас мой выход! Боже мой!» Он схватился за голову и заковылял по узкой, грязной и тёмной лестнице вниз, в преисподнюю, так как Фауст уже предавал проклятью «все радости земные и цепи земной тюрьмы», «состав телесный, несовершенный и больной» и пр., и пр.

– Ваш выход, ваш выход! – шипел над головой его сценарист.

Через минуту он уже выползал из-под земли, окружённый красным заревом, приложив одну руку полукругом к боку, а другой указывая на свою грудь. Голова его дрожала от волнения, а перо на шляпе трепетало, словно колеблемое бурей.

«Во-о-о-т и я!..»

– возгласил он и побледнел, и ноги его готовы были подкоситься. Голос его одеревенел, он сам не слышит своего голоса. Судьба смеётся над ним. Он откашлялся и продолжал:

«Чему ж ты дивишься?..»

А Фауст, в самом деле, глядел на него и дивился. Да и было чему подивиться. Мефистофель пел не басом, как полагается, и как пел и он столько раз, а каким-то дряблым, разбитым тенорком. Что случилось с Мефистофелем?

* * *

Минул второй акт. В уборной примадонны было тихо. Она сидела одна. На ней было скромное белое платье, подпоясанное стальным кушаком. Две русые тяжеловесные косы спус-

кались до колен; в руках она держала молитвенник с бархатным малиновым переплётом. Она стояла перед зеркалом в скромной позе смущённой Маргариты и находила, что ей это очень идёт. Она была хорошенькая. На сцене она – новинка, Маргарита – её третья роль.

Дверь скрипнула, она подняла голову.

– Кто там?

– О, свои, свои! Не беспокойтесь; это я, влюблённый в вас Фауст...

– Что? Что это значит?

– Влюблённый Фауст! Ха, ха, ха! Фауст влюблён в Маргариту, а я – в вас... Что ж тут удивительного? Ха, ха, ха, ха!..

– Вы с ума сошли!.. Уходите, пожалуйста!..

Она вспылила. О, да ведь она была ещё так неопытна. Ну, что тут дурного, в самом деле, что он, первый тенор, ухаживает за нею, примадонною? Это так естественно.

Он был хорошо сложен. Лицо его было довольно красиво и без грима. Он носил свои усы и свою эспаньолку. Правда, это лицо напоминало лицо парикмахера, но тем не менее 1 тенор считался дамским любимцем. Волос на его голове было немного; ведь он уже лет 12 исполнял роли любовников и считался дамским любимцем... Но он умел хорошо носить парик.

Он глядел на неё в упор. Взгляд его был вызывающий, нахальный, а она была так ещё неопытна, так мало «знала сцену», что этот взгляд показался ей противным. Она ещё раз

попросила его уйти.

– Да вы не сердитесь, милая Маргариточка! Я ведь ничего, я только ручку поцеловать...

Он схватил её руку и присосался к ней. Она с презрением оттолкнула его.

– Подите, я вам говорю!.. – крикнула она.

– Ха, ха, ха, ха! – отвечал он.

– Это ни на что не похоже! Подите, или я позову слугу...

– Ха, ха, ха, ха! Какая вы сердитая! – добродушно говорил он.

– Господи! Что же это такое!?

О, как она была неопытна!.. Раздался звонок.

– На сцену, на сцену! – послышался голос сценариста.

– У нас ведь с вами дуэт! – промолвил он, уходя, и при этом как-то так подмигнул, что её передёрнуло.

Зибель пел свою арию. Она стояла у кулисы, волнуясь и обдумывая подробности предстоящего выхода.

– На сцене я вас поцелую! – раздался шёпот над её ухом.

Она испуганно обернулась. Это был тенор; он смотрел ей в глаза просто и благодушно.

– Вы не смеете!..

– Как?! На сцене? Ха, ха, ха!.. Да ведь это по пьесе... Ха, ха, ха, ха!.. – и он залился весёлым смехом.

– Нахал, нахал!.. Если вы посмеете, если...

– Ваш выход, ваш выход! – раздалось у неё за спиной.

Она, задыхаясь, поспешила к главной двери.

* * *

Оркестр наигрывал волшебную мелодию. На сцене разливался таинственный полумрак. В окно светила луна, её нежный свет любовно серебрил трогательную группу на авансцене. Фауст левой рукой охватил Маргариту за талию, а правой сжимал её руку. Он пел:

«О, ночь любви и неги рай!
В твоей тиши»...

– Не жмите!.. Оставьте руку! Мне больно, – шептала Маргарита.

А он сладостно улыбался и продолжал:

«О, наслажденье быть с тобой,
Ангел, ангел – Маргарита!..»

В публике пронеслась электрическая искра. Всё слилось в общем восторге упоительного наслаждения. Эта поэтическая обстановка, этот серебристый лунный свет, эта чарующая ночь, эта поэзия первой любви, трепещущая сладкой негой дивная мелодия, чудный бархатистый голос певца, на-

ивный восторг во взгляде Маргариты, упоённой и вместе изумлённой первым страстным биением влюблённого сердца, – всё это делало поразительную иллюзию. Казалось, публика была в этот миг так же влюблена, как Фауст и Маргарита. Всякий боялся пошевелиться, чтобы не нарушить очаровательной иллюзии. Восторг был так велик, что никто и не думал об аплодисментах.

«Ангел, ангел – Маргарита!»

– с удвоенной экспрессией повторял тенор и при этом всё крепче и крепче и притом совсем не условно прижимался к груди Маргариты.

– Нахал, нахал!.. – вся дрожа, глубоко оскорблённая, шептала она, и вслед за этим голос её с задушевною нежностью зазвучал:

«О, я твоя, тебя люблю.

О, милый мой, и для тебя

Готова я, готова я

На смерть, на смерть»...

Последние слова замерли на её губах, и она опустила из-

неможённую головку на плечо Фауста. Оркестр играл продолжение дуэта.

– Ну, какая же вы прелесть! Конфетка, настоящая конфетка!.. – говорил ей вполголоса Фауст.

Она вздрагивала от бешенства. Публика не выдержала и разразилась неистовыми рукоплесканиями. Это был колоссальный восторг, который длился около пяти минут. Певец и певица, взявшись за руки, с радостными улыбками раскланивались на все стороны.

Прошла ещё сцена, и ещё. Вот они попрощались. Фауст, обрадованный своим любовным успехом, подошёл к рампе и объявил публике, что он испытывает блаженство и прибавил:

«Я-а-а-а бегу!..»

Это «я» было ничто иное как высокое si, и так как эта нота была у него очень хороша, то он продержался на ней минуты три, после чего раздался гром рукоплесканий. Но он не убежал, потому что Мефистофель не пустил его. «Сейчас она начнёт беседовать со звёздами. Оставайтесь!» – сказал он, и Фауст остался. Действительно, Маргарита показалась в окне беседки и заговорила со звёздами:

«Он любит... Волнуется грудь...
Пень птичек»...

Увлечение публики доходило до последних пределов напряжения. Все знали, что будет дальше, потому что все знали «Фауста» наизусть. Никто не сомневался, что Маргарита дойдёт до забвения всякой осторожности и, несмотря на то, что сама же попросила Фауста уйти, станет звать его. Знали также, что Фауст, подталкиваемый Мефистофелем, воспользуется случаем, чтобы слиться с нею в поцелуе. И вот, настал этот момент. Она уже на высоких нотах. Голос её не сходит с *sol*, *la* и *si*, оркестр шумит, страстные скрипки изображают взволнованное тремоло, чувственная виолончель порывисто вскрикивает... Она зовёт его. Фауст бросается к ней, сжимает её в горячих объятиях и впивается своими губами в её губы. Мефистофель адски хохочет, занавес падает. Публика не может опомниться от волнения и восторга. Казалось, на мгновение она вся умерла, окаменела...

Оркестр продолжает шуметь, и под звуки оркестра, на сцене, в беседке слышится звучный сопрано:

«Нет, это невыносимо, это невыносимо!»»

– Ха, ха, ха! – отвечает голос тенорового тембра. – Но какие у вас сочные губки! Ха, ха, ха, ха!

Вслед за этим раздаётся звонкая хлёсткая пощёчина.

Вызовы без конца. Фауст и Маргарита кланялись и улыбались публике до изнеможения. Фауст, однако, слегка придерживался за щеку, которая у него горела...

Мефистофель был мрачен. Куплеты 2 действия вышли у него неудачно, у него, который всегда срывал в них аплодисменты. На этот раз ему слегка похлопали и даже не требовали bis. Но это было бы ничего; всё равно он и без требования спел на bis. Так, просто взял и спел, чтобы никто не смел сказать, что «bis'a не было». Но антрепренёр его избегает и издали косится, а тот, соперник, нахально смотрит ему в лицо и насмешливо улыбается. «О, подлец, подлец! погоди, придёт серенада! Я тебя уничтожу».

Четвёртый акт начался. Фауст испытывает угрызения совести у жилища Маргариты. Мефистофель смеётся над ним:

«Чем нам стоять у порога,
Я вашей милой речь подам за вас».

– с едкой улыбкой замечает он убийственными стихами.

И вот оркестр наигрывает *pizzicato*, уж он примерился на своей дьявольской гитаре... Он начинает:

«Выходи, о друг мой не-эжний»...

«О, у него почти нет голоса, Боже мой! Что же это будет? Если серенада ему не удастся, всё погибло, всё погибло... Погибла слава... Да что слава?! Жена, дочь, голод, холод, страдания!.. – и нахальный образ ненавистного соперника стал перед ним как живой. – О, как он его ненавидит, о, как он хотел бы растоптать его! Голос, голос! Его могучий голос, который кормил столько лет его, и жену, и дочь! Голос – кормилец, голос – капитал!» Он звал его, этот голос, который, казалось, улетел из его горла в этот роковой день, звал как друга, как спасителя. Он ненавидел в этот момент всех – и антрепренёра, и соперника, и публику, которая может сейчас ошибаться и этим лишит и его, и семью хлеба и крова. И проникнутый этой ненавистью, он чувствовал гигантскую силу, охватившую всё существо его, и эта сила вливалась в него ощущение могущества; ему казалось, что вот-вот из его задышающейся груди вылетит нота, которая потрясёт своды театра. И странное дело! Голос его растёт... Ненависть, которой пылала его душа, придаёт его пению какую-то истинно-демоническую окраску; он видит и чувствует, что слушатели удвоили внимание, он ясно ощущает этот неуловимый процесс покорения сердец, когда всё вокруг сливается в общем восторге, направленном к одному... И этот один – он... Да, да, к нему возвратилась мощь, голос его раскаялся и вернулся в недра его могучей груди... О, божественная ненависть! Ты помогла ему победить! Он всеми фибрами своих нервов, каждой каплей своей до утомления взволнованной

крови переживает победу...

«Не целуй е-го... Ха, ха, ха, ха, ха!..»

Боже, что это за смех? У слушателей дрожь пробежала по телу. Какая-то дрожащая волна немого восторга пронеслась по залу. Гром рукоплесканий. Он поёт *bis*, поёт ещё раз, ещё раз, поёт ничего не помня, ничего не понимая. Он понимает только одно: он растоптал соперника. Жена и дочь будут сыты, будут в тепле. Антрепренёр жмёт ему руку... Что-то там ещё происходит на сцене, что-то такое он ещё поёт. Но вот занавес падает, и он... он тоже падает от изнеможения, от ненависти, от упоения победой...

Да, он уже не мог выходить на бешеные вызовы. Он лежал в обмороке.